

A close-up, high-contrast portrait of a man's face, looking slightly downwards and to the left. He has short, dark hair and striking green eyes. The lighting is dramatic, highlighting the texture of his skin and the intensity of his gaze. In the lower right corner, a portion of a dark, weathered wooden handle is visible, suggesting a tool or weapon.

Ф. Раззаков

ЕФРЕМОВЫ

Б Е З Р Е Т У Ш И

Федор Раззаков
Ефремовы. Без ретуши

«Центрполиграф»

2015

УДК 929
ББК 85.374

Раззаков Ф. И.

Ефремовы. Без ретуши / Ф. И. Раззаков — «Центрполиграф»,
2015

Олег Николаевич Ефремов – актер и режиссер, педагог и реформатор театра, кроме всего прочего, стал еще родоначальником актерской династии. Каким он был в искусстве и в жизни, читатель узнает из этой книги.

УДК 929
ББК 85.374

© Раззаков Ф. И., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Олег	5
Женщины Олега	8
Олег	9
Олег	12
Женщины Олега	17
Женщины Олега	19
Олег	22
Олег	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Федор Раззаков

Ефремовы. Без ретуши

Олег

От фотолюбителя до форточника

по кличке Лисья Мордочка

Будущий артист и режиссер Олег Ефремов родился 1 октября 1927 года в семье, которая не имела никакого отношения к искусству. Его отец – Николай Иванович – работал в легкой промышленности, а мать – Анна Дмитриевна – была домохозяйкой. В жилах обоих текло несколько кровей. Например, в роду отца была не только русская кровь, но и, вполне вероятно, еврейская – его родителя звали Иван Абрамович, он из крестьян. А мама Ефремова была наполовину русская, наполовину мордовка.

Жили Ефремовы на Арбате, поэтому на свет будущий артист и режиссер появился в знаменитом роддоме имени Грауэрмана, что находился по соседству со знаменитой улицей. А из роддома его привезли в просторную коммунальную квартиру, где помимо них обитало еще три семьи. Причем в отличие от многих коммуналок, где обычно жизнь была ключом и круглые сутки мог стоять шум и гам, в ефремовской всегда была интеллигентная тишина, поражавшая всех, кто туда приходил.

Уже с детских лет Олег был чрезвычайно активным ребенком, заводилой во всех дворовых начинаниях. Эта черта передалась ему от мамы – женщины весьма энергичной и жизнерадостной. А вот отец Олега отличался противоположным характером – это был тихий и мягкий человек, всегда сохранявший здравый рассудок и спокойствие.

Никаких предпосылок к тому, что Ефремов в будущем станет видным актером и режиссером, в детстве за ним не наблюдалось. К театру и кино он тогда относился вполне спокойно, более увлеченный совсем иными профессиями и науками. Например, ему очень нравилась история, из-за любви к которой он, будучи школьником (а учился Ефремов сначала в школе номер 9 в Староконюшенном переулке, а со второго класса в школе номер 70 в Гагаринском переулке), записался в исторический кружок при местном Дворце пионеров. Занимался он там столь самозабвенно, что за успехи на этом поприще его (и его приятеля Колю Якушина) наградили поездкой в туристический лагерь.

Однако уже спустя год Ефремов увлекся новым творчеством – фотографическим. Оно появилось в его жизни после того, как родители подарили ему фотоаппарат «Фотокор» – был такой очень популярный в те годы советский пластиночный складной фотоаппарат. Он представлял собой универсальную прямоугольную камеру формата 9×12 сантиметров с откладной передней стенкой и двойным растяжением меха. «Фотокор» был первым массовым фотоаппаратом в СССР, который начал выпускаться с 1930 года¹. Поэтому увлечение Ефремова фотоделом в конце 30-х было совершенно естественным – «фотолихорадка» тогда охватила многих, причем как взрослых, так и подростков. В итоге вместе с тем же Колей Якушиным герой нашего рассказа записался в фотокружок. А первым профессиональным фотоснимком Ефремова стал портрет его друга Якушина.

В самом начале 40-х, когда в воздухе уже запахло войной, Ефремов внезапно загорелся идеей стать... моряком. Для этого он надумал поступить в мореходное училище. А пока он интенсивно посещал в школе оборонный кружок, где учился правильно надевать и снимать

¹ За 11 лет производства будет выпущено более 1 млн экземпляров. (Здесь и далее примеч. авт.)

противогаз, пользоваться аптечкой и т. д. Однако и моряка из Ефремова в итоге тоже не получилось.

Кстати, было у него в школьные годы и увлечение театром. Правда, не драматическим, а кукольным. В итоге Ефремов раздобыл ширму и попросил своего двоюродного брата, который умел рисовать, расписать ее как декорацию. Потом они с Якушиным нашли в одном из детских журналов какую-то пьесу о мальчишке, который мечтает служить в армии, и быстренько ее разучили. Роль мальчишки взял себе герой нашего рассказа, а другу досталась роль... пса Барбоса, который отговаривал хозяина уходить из дома. С этой пьесой они не только с успехом дебютировали на школьном вечере, но и были выдвинуты школой на районный конкурс самодеятельности. Но там приятели провалились, после чего Ефремов «закрыл» свой театр – он не любил проигрывать.

Одним словом, энергия била из Ефремова ключом уже с детских лет, поэтому, глядя на него, многие не сомневались: этот парень далеко пойдет. И в шутку добавляли: если, конечно, милиция не остановит. Поскольку лидерские способности Ефремова могли завести его куда угодно: как в хорошую компанию, так и в плохую. Ведь он еще в 12 лет стал курить тайком от родителей, а также «выпивать». Конечно, выпивка была не настоящей, а имитационной: Ефремов покупал сушки с солью и закусывал ими квас, который он пил на улице из кружки, сдувая пену – так он имитировал пивное питье взрослых. В итоге в будущем это подражание дорого ему обойдется: курение и алкоголь доставят ему во взрослой жизни множество хлопот.

Между тем был в жизни Ефремова момент, когда он по-настоящему едва не связался с урками. Это случилось в 1942 году, когда он оказался в Воркуте. Каким образом? Его отца отправили туда работать в бухгалтерию одного из лагерей ГУЛАГа, а жена с сыном пока остались в Москве. Но летом они решили навестить мужа и родителя, а в результате остались погостить... на несколько лет. Именно там Олег и познакомился с местными уркаганами, которым понравился заводной характер москвича, а также его худощавая фигура. Они взяли его в свою компанию, надеясь сделать из него форточника – специалиста по проникновению в чужие квартиры через форточку. Даже кличку ему придумали – Лисья Мордочка. С ними он воровал, там же впервые закурил и попробовал алкоголь – неразбавленный спирт.

Но эти отношения едва не стоили Ефремову здоровья, а то и самой жизни. Во время одного из «форточных» дел случилась разборка с хозяином жилища: тот схватил в руки палку и ударил щуплого форточника по голове. И хотя тому удалось вырваться, однако удар оставил след на всю жизнь – у Ефремова потом возникнут проблемы с одним глазом, на котором начнется отслаивание сетчатки. После этого случая родители нашего героя настолько испугались за судьбу своего отпрыска, что предпочли увезти его от греха подальше – вернулись в Москву.

А вот как эту историю рассказывает уже в наши дни Михаил Ефремов – сын героя нашего рассказа:

«Дедушка был финансовый работник, а бабушка – сестра двоих белогвардейских офицеров, которые ушли через Харбин в Австралию... У нас, кстати, в Австралии родственники, и мы поддерживаем пускай не сильную, но все же связь.

Дедушка, Николай Иваныч, в 34-м, по-моему, году, понимая, что и за бабушкой начнут присматривать, и вообще всех бывших будут резать под корень, завербовался на Север бухгалтером и уехал туда с семьей. Был бухгалтером в лагерях – вольнонаемным, но если бы решился на это позже, их всех бы отправили просто валить лес.

Где-то до середины войны они находились там, а потом вернулись в столицу, жили в переулках арбатских...»

Красивая история, но она больше похожа на легенду. Почему? Посудите сами. Ефремовых якобы хотели пустить под корень, но глава семейства оказался хитрее – увез семью подальше, причем не куда-нибудь в Среднюю Азию, а непосредственно... в ГУЛАГ! Более того: в разгар войны они вернулись назад в Москву, уже под бок Лубянки. И поселились не

где-нибудь, а на Арбате, по которому проходила правительственная трасса номер 1 – по ней ежедневно ездил Сталин с дачи в Кунцеве в Кремль и обратно. Зададимся вопросом: как это неблагонадежных Ефремовых, которых совсем недавно хотели пустить под корень, теперь прощляпили и разрешили им жить на Арбате? Загадка! Хотя, если принять за основу изложенную мной выше версию, никакой загадки вовсе нет. То есть не было никаких гонений и возможных репрессий и все, о чем рассказал Ефремов-младший, всего лишь красивая семейная легенда, которая так удобно ложится на тот сегодняшний антисталинский дискурс, что утвердился в постсоветской России.

Женщины Олега Таня

Лидерские качества Ефремова чрезвычайно импонировали не только уркаганам, но и девочкам, с которыми его сводила тогда судьба. Много позже на многочисленные упреки своей мамы в его чрезмерной любвеобильности Ефремов заявит: «Помнишь, в детстве у меня над кроватью висела картина с обнаженной женщиной? Вот, все из-за этого!» Наверное, в таком ответе был свой резон: картина была настолько эротичной, что не могла не пробудить раннее сексуальное влечение в тщедушном на вид подростке. Другой вопрос: зачем родители повесили на стену картину именно такого содержания?

Первое серьезное увлечение противоположным полом Ефремов пережил в старших классах, когда влюбился в соседскую девочку, которая была на два года младше его. Звали ее Таня Ростовцева, она родилась в декабре 1929 года. Девочка была очень симпатичной, унаследовав это качество от своей мамы Марии Петровны, которая всегда пользовалась повышенным вниманием со стороны мужчин. Именно это, кстати, разрушило ее личную жизнь. Устав ревновать жену к каждому встречному, муж попросту бросил Марию вместе с дочкой перед самой войной (в самом ее начале он уйдет в ополчение и погибнет в одном из первых же боев).

Ефремов сильно влюбился в Таню, однако та не обращала на него никакого внимания. Чего наш герой никогда не терпел, уверенный в том, что он неотразим. Во всяком случае, отношения с другими девочками его к этому приучили. Поэтому, чтобы обратить на себя внимание Тани, Ефремов решил применить оригинальный способ. Он наполнял аптечные соски водой и кидал их в окна квартиры, где жила его неприступная пассия. Но та продолжала держать стойкую оборону. Это еще сильнее заводило Ефремова. В конце концов он попал в просяк. В момент очередного обстрела он промахнулся и соска, выпущенная им, угодила в соседнее окно, где проживала Танина тетя – жена ответственного работника. Она пригрозила парню такими карами, что тот испугался. После чего его увлечение Таней Ростовцевой сошло на нет. И скажем прямо, слава богу. Почему? Дело в том, что в 1949 году Татьяна познакомится с другим человеком, за которого спустя два года выйдет замуж и благополучно проживет с ним более сорока лет. Звали этого человека Юрий Никулин. Вряд ли бы такая история могла произойти с Татьяной, ответь она на ухаживания Олега Ефремова и выйди замуж за него.

Олег Школа-студия

Вернувшись в 1943 году из Воркуты в Москву, Ефремов впервые серьезно заинтересовался театром. В эти круги его ввел приятель по двору Александр Калужский – внук знаменитого мхатовца Василия Лужского. Последний был одним из основателей Художественного театра, в труппе которого он оставался до конца жизни. В первом сезоне он играл Ивана Петровича Шуйского в «Царе Федоре Иоанновиче» А. К. Толстого, Сорина в «Чайке» А. П. Чехова («Играл как очень крупный артист», – по словам Немировича-Данченко), Креона в «Антигоне» Софокла, принца Мароккского в «Венецианском купце» Уильяма Шекспира. К. С. Станиславский, знавший Лужского с начала театральной карьеры, писал о том, что дар имитатора на первых порах мешал Лужскому найти самого себя, свою индивидуальность. Но в дальнейшем его талант определился как талант «психологической характерности». Лужский был первым исполнителем Серебрякова в «Дяде Ване», Андрея в «Трех сестрах» и Лебедева в «Иванове» А. Чехова, Бессеменова в «Мещанах», Бубнова в «На дне» и Чепурного в «Детях солнца» М. Горького. Умер Лужский в Москве 2 июля 1931 года.

Еще одним другом детства Ефремова был Сергей Шиловский, сын Елены Сергеевны Булгаковой, – в доме М. А. Булгакова в Нащокинском переулке Ефремов часто бывал в предвоенные годы. По его же собственным словам: «Самого хозяина дома, конечно, не помню, но осталась в памяти атмосфера прекрасной, веселой, интеллигентной семьи... Не имел я тогда никакого понятия ни о «Днях Турбиных», ни о «Мольере», ни о самом главе этого дома... Просто булгаковский дом оказался частью жизни, «предвестием» встречи с Художественным театром...»

Однако в Школу-студию МХАТа Ефремов попал не сразу. Окончив школу в 1944 году, он год проучился в Институте стали и сплавов. Но быстро понял, что рабочая среда – это не его стихия, и в 1945 году поддавшись уговорам Александра Калужского и решил попытать счастья в Школе-студии МХАТа, которая появилась на свет двумя годами ранее, еще во время войны. Дело было так. В начале 43-го В. Немирович-Данченко имел разговор со Сталиным и сказал, что нужна смена поколений во МХАТе, хорошо бы создать студию. «И кого видите руководителем?» – спросил вождь. «Василия Григорьевича Сахновского. Но он сидит в лагере», – последовал ответ. Сталин тут же распорядился выпустить Сахновского на свободу.

Итак, Ефремов решил поступить в недавно созданную Школу-студию МХАТа. Хотя до этого окончил подготовительные курсы при Институте стали и собирался направить свои стопы именно туда. Но потом решил внять совету Калужского. Почему? Видимо, в его мечтах театральная действительность была куда предпочтительнее заводской. Одно дело – варить сталь, другое – выступать на сцене. Впрочем, «варить» сталь на сцене ему тоже придется – в спектакле «Сталевары», о чем я еще обязательно расскажу.

Итак, Ефремов отправился поступать в Школу-студию МХАТа. Причем пришел на экзамены в костюме, что было уже необычно – студенты тогда ходили в более простенькой одежде. Этот костюм достался маме Ефремова от родственницы, мужа которой расстреляли в 1937 году. Восемь лет костюм берегли, хранили и извлекли на свет только для того, чтобы Олег отправился в нем на экзамены. Как выяснилось, этот костюм принес абитуриенту удачу – он был принят.

Отметим, что в качестве поэтического отрывка наш герой выбрал стихотворение А. Пушкина «Желание славы» («Когда, любовью и негой упоенный...»), написанное в 1825 году и обращенное к Е. Воронцовой. Кстати, друг поэта В. Раевский, узнавший о любви Пушкина к Воронцовой и сам влюбленный в нее, сообщил об этом Воронцову, что, по предположению

самого Пушкина, явилось причиной высылки его из Одессы в Михайловское. В этом стихотворении были строки:

Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно...

Ефремов с таким энтузиазмом произносил строку «Желаю славы я», что члены отборочной комиссии ему поверили: дескать, этот парень так желает славы, что грех не пойти ему навстречу. В итоге его приняли, хотя конкурс был огромный – 500 человек на место. Позднее сам он так описывал свое поступление: «Мы с Сашей Лужским предстали перед лицом Василия Александровича Орлова, который после смерти Сахновского был некоторое время ректором школы. Я читал «Как хороши, как свежи были розы». Он посоветовал взять что-нибудь из Короленко. На экзамене я читал также «Желание славы». Конкурс был тогда колоссальный – 500 человек на место (это весной 45-го). После второго тура ко мне пришли Игорь Дмитриев и Толя Вербицкий – они тогда уже были студентами – и сообщили, что я, кажется, прохожу. Тогда я решил побриться наголо перед третьим туром, надел чужой костюм (достался от расстрелянного родственника) и в этом самом виде (от самолюбия и закомплексованности) заявился на третий тур. В центре сидел Хмелев, тогда худрук МХАТа, а рядом – все ведущие актеры театра. Начал читать, чувствую – колени трясутся. За столом – смех, а я смотрю на Хмелева, которому почему-то невесело. Смотрит исподлобья и изучает меня. И тут голос Вербицкого: «Может быть, вы нас порадуете и прочтете Пушкина?» Именно так витиевато-уничтожительно. Ну, тут я и громыхнул: «Желаю славы я». Без всякого понимания, без любви, а просто так, наотмашь: желаю, мол, славы, и все. Представляешь картину: тощий, длинный, наголо бритый, в коротеньких брючках... Когда я вышел в предбанник, за мной выскочил С. Блинников (до этого я успел увидеть его в «Пикнике») и говорит мне: «Не волнуйся, тебя взяли». А потом я подошел к двери – там должен был Саша Калужский читать – и слышу эту фразу (на всю жизнь она в меня засела) – «зрители живо сгрудились вокруг сироты, прижавшегося к забору» – и ничего не понимаю. Текст Сашкин, а голос девичий. Это он так зажался».

На своем курсе Ефремов считался одним из лучших студентов. Впрочем, случилось это не сразу, а постепенно. И большую роль при этом сыграл преподаватель Школы-студии Виталий Яковлевич Виленкин, который был личным секретарем В. Немировича-Данченко и написал о нем несколько книг. Виленкин, что называется, образовывал Ефремова, давая ему списки тех книг, которые следует прочитать. Он же потом будет помогать Ефремову советами при создании «Современника». Однако, самое интересное, спустя годы именно Виленкин превратится в самого яростного критика Ефремова и как режиссера, и как человека, даже назовет его «могильщиком МХАТа». Почему? Об этом речь у нас пойдет чуть позже, а пока вернемся в конец 40-х, к годам учебы Ефремова в Школе-студии МХАТа.

Естественно, что все ее студенты мечтали после окончания учебы попасть не куда-нибудь, а именно в Художественный театр. Ефремов не был исключением. Он еще на третьем курсе дал себе клятву кровью, что будет только мхатовцем. И в том же году действительно впервые вышел на сцену этого прославленного театра – в производственной пьесе «Зеленая улица» А. Сурова. Правда, роль у него там была бессловесная и играл он ее в паре с другим студентом – Алексеем Покровским. Поскольку этот человек впоследствии тоже станет знаменитым, скажем несколько слов и о нем.

Покровский был на три с половиной года старше Ефремова и тоже родился в Москве (на Верхней Масловке). Сначала он учился в Щепкинском училище, после чего перевелся в Школу-студию МХАТа. Дебютировав студентом в спектакле «Зеленая улица» (в эпизодической роли), Покровский затем играл в нем главную роль, за что был награжден первой премией на конкурсе молодых артистов. В итоге постепенно он стал ведущим актером МХАТа. А вот

с кино его отношения не сложились – снимался он мало. Хотя узнаваемые роли у него есть. Например, милиционер в «Верных друзьях» (1954). Но еще большую славу Покровский приобрел как певец, исполняя романсы («Бубенцы», «Выхожу один я на дорогу», «Две гитары», «Гори, гори, моя звезда», «Очи черные» и др.), народные песни («Ах вы, сени», «Вдоль да по речке», «Тонкая рябина», «Степь да степь», «Солдатушки, браво-ребятушки», «Черный ворон» и др.), советские песни («Весна на Заречной улице», «А где мне взять такую песню», «А годы летят», «Главное, ребята», «На безымянной высоте», «Сережка ольховая», «Эх, дороги», «Бери шинель» и др.).

Став актером МХАТа в 1949 году, Покровский прослужил в нем почти тридцать лет – до 1977 года. А ушел он из него из-за непростых отношений с главрежем – Олегом Ефремовым, которого, в отличие от него, после окончания Школы-студии в МХАТ не взяли. Причем именно из-за Покровского. Дело в том, что прима МХАТа Алла Тарасова на распределении сказала: «Зачем нам два одинаковых актера, они так похожи...» Ефремов был возмущен до глубины души и, что называется, рвал и метал. Даже в пылу гнева заявил: «Я буду в этом театре главным режиссером! Я въеду сюда на белом коне!» Что, собственно, и произойдет, но чуть позже. Правда, Покровскому в итоге из МХАТа придется уйти. Но это уже другая история, а мы вернемся в 1949 год, когда Ефремов окончил Школу-студию (третий выпуск).

Олег Детский театр

Итак, в МХАТ Ефремова не взяли. Более того, его... вообще никуда не взяли. Почему? Загадка. То ли не увидели в нем какого-то особого таланта, то ли еще что-то. Тогда все тот же В. Виленкин встретился с художником Центрального детского театра Ольгой Пыжовой и буквально уговорил ее взять Ефремова в свою труппу. С трудом, но она все же согласилась. И потом осталась очень довольна этим своим решением.

Согласно другой версии, все решил звонок ректора Школы-студии директору ЦДТ Константину Шах-Азизову. Якобы ректор сказал: «У меня есть для тебя очень талантливый студент. Но жутко ершистый, шебутной. Личность!» На что последовал ответ: «Нам как раз такие нужны».

Шах-Азизов пришел в ЦДТ в 1942 году. А сам театр, первый детский театр в СССР, возник в 1921 году в помещении кинотеатра «Арс». Тогда он назывался Московским театром для детей, а ее организатором и первым руководителем стала юная Наталья Ильинична Сац. Она руководила им до 1937 года, пока ее не арестовали, обвинив в связи с маршалом М. Тухачевским. Только если последнего расстреляли, то Сац отделалась лагерным сроком. На тот момент театр был переименован в Центральный детский и размещался в здании на Театральной площади, рядом с Большим и Малым театрами (где он и находится поныне).

В ноябре 1949 года в ЦДТ состоялась премьера спектакля «Ее друзья» по пьесе молодого драматурга Виктора Розова. Кстати, еще до того, как стать драматургом, в 1929 году, Розов был актером-любителем в Театре юного зрителя, но только в Костроме. В годы войны он ушел на фронт, был тяжело ранен и после госпиталя возглавил фронтовую бригаду. Тогда же он написал и свою первую пьесу – «Вечно живые», с которой через тринадцать лет и начнется театр «Современник». Но до этого еще есть время, а пока Розов написал еще одну пьесу – «Ее друзья». Это был рассказ о слепнувшей десятикласснице Людмиле, которой школьные товарищи и учителя помогают не упасть духом, получить аттестат зрелости и поступить в институт.

Свою пьесу Розов принес в ЦДТ и оставил ее там, особо не надеясь на постановку. Но пьеса понравилась, и начались репетиции. Причем Розову об этом сообщить не смогли, поскольку он не оставил своего адреса. А когда он спустя какое-то время вновь объявился в театре, он был в шоке – оказывается, пьесу не только приняли, но уже вовсю ее репетировали. Как напишет много позже критик А. Снаткина: «В ЦДТ как раз искали что-нибудь, что заинтересовало бы старшеклассников, где они бы узнали себя. На фоне эпохальных полотен, создававшихся в то время, пьеса Розова с простыми, обыденными ситуациями и тонко прорисованными человеческими чувствами стала настоящим драматургическим прорывом. Была еще у Розова манера подавать серьезное в смешной, легкой оболочке, потяжелевшей впоследствии под жизненным опытом... Но в его пьесах всегда оставалось, как говорил Анатолий Эфрос, образовавший с ним замечательный творческий тандем, – «это интимное, непосредственное, сердечное...»

С этого спектакля и началась эпоха «розовских мальчиков» – пылких и бескомпромиссных молодых идеалистов. Началась эта эпоха сначала в ЦДТ, а уже потом все это переключалось в кино, где были экранизированы многие пьесы В. Розова.

В 1950 году в ЦДТ пришла в качестве нового художественного руководителя Мария Осиповна Кнебель – бывшая мхатовка. Она проработала в театре десять лет, в течение которых поставила на его сцене «Горе от ума» А. Грибоедова и «Мертвые души» Н. Гоголя, «Конька-Горбунка» (совместно с Анной Некрасовой) и «Страницу жизни» В. Розова... Именно при ней сюда пришел Олег Ефремов, а затем и Анатолий Эфрос. В те годы ЦДТ определял пульс

театральной жизни советской столицы, сюда стремились зрители всех возрастов, труппа театра была очень сильной, громкие премьеры шли одна за другой. Театр жил в полную силу, заявив о своих нравственных принципах, эстетических задачах.

Самой заметной ролью Ефремова в тот период была роль Кости Полетаева в спектакле «Страницы жизни» В. Розова. Вот как об этом писала драматург Л. Петрушевская: «Нас водили всем классом в Детский театр. Среди жутких пацанов и идеальных девушек с косами, тургеневских Лолит, ходили слухи о Косте с гитарой из Детского театра. Действительно, занавес открылся, и он появился в глубине сцены, внимание! Мы забыли обо всем. У него было какое-то небывалое лицо. Тогда на экранах царил Кадочников – Дружников – Столяров, в крайнем случае Жаров – Черкасов, ну или рабочий Крючков – Алейников – Чирков, а Костя, наш Ефремов, был личный для каждого, школьный, московский, с Пушкинской улицы, с известнейшего проходного двора, кумир с гитарой. У Кости к тому же была странная манера говорить (так говорят сейчас Кваша, Табаков, так говорил Евстигнеев). Он произносил фразы ясно, но слегка с замедлением, с оттяжкой в бас, его непередаваемое тайное веселье как будто что-то обещало – во всяком случае, от голоса Кости у девочек и мальчиков замирало сердце, хотелось вокруг него стоять кружком, слушаться его, бегать для него за папиросами и пивом или быстро вырасти и куда-нибудь с ним пойти. Куда угодно, вплоть до «воронка» и знаменитой «Черной кошки»...»

Попав в ЦДТ, Ефремов разделил одну гримерку (или грим-уборную) с таким же, как и он, молодым актером – Геннадием Печниковым (тот потом прославится ролью Федора Савина в фильме «Шумный день»). Последний вспоминает:

«Какой Олег был активный! Чуть ли не каждый день – новое предложение: «Пойдем в волейбол играть?» – «Пойдем!»; «Открылся новый бассейн, пойдем плавать?» – «Пойдем!»; «В пинг-понг стало модно играть. Давай научимся?» – «Давай!» А еще он вел дневник, в котором в основном записывал события будущего. Составлял план работы на год. Цели были такие: «Развивать актера в себе», «Развивать режиссера в себе», «Вылечить зубы».

Казалось бы, новенький, молодой парень – в сложившемся коллективе нужно вести себя скромно. Но Ефремов сразу во все стал вмешиваться: а это кто, а здесь у вас что? В комсомольской организации тут же выбрали его секретарем. И Олег, зайдя в кабинет и увидев сейф для хранения членских взносов, сразу потребовал: «Дайте ключи!» Конечно, старожилы на него косились: «Пришел тут, понимаешь, какой-то нахал из Школы-студии МХАТа!» Особенно когда Олег горячился на репетициях: «Это не по Станиславскому!» Его так и прозвали – «мхатовский нахал».

И конечно, Олегу сразу стали давать главные роли...»

Отметим, что только в период 1949–1952 годов Ефремов сыграл 13 ролей в 13 спектаклях. Назовем их все: Володя Чернышев – «Ее друзья» В. Розова (1949), Янис – «Я хочу домой» С. Михалкова (1949), Учитель – «Драгоценное зерно» А. Мусатова (1950), Степан – «Настоящий друг» В. Любимовой (1950), Митрофан – «Недоросль» Д. Фонвизина (1950), Крестьянин – «Дубровский» А. С. Пушкина (1950), Николай Шаповалов – «Романтики» Э. Цюрупы (1950), Стражник – «Город мастеров» Т. Габбе (1950), Французик и Молчалин – «Горе от ума» А. Грибоедова (1951), Гриша Фабер и Саня Григорьев – «Два капитана» по В. Каверину (1951), Иван – «Конек-Горбунок» П. Е. Ершов (1952), Шванда – «Вольтер из Стракониц» Йозефа Каэтана Тыла (1952).

Между тем в марте 1953 года скончался И. Сталин. Это событие произвело на Ефремова такое впечатление, что он на одном из комсомольских собраний заявил, что по «сталинскому призыву» подаст заявление в партию. Кстати, такой порыв в те дни охватил многих людей, в том числе и тех, кто чуть позже станет антисталинистом. Например, Владимир Высоцкий в марте 53-го написал стихотворение «Моя клятва», где были следующие строчки:

В эти скорбно-тяжелые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.

Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землей,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.

Другое дело, что Высоцкому в марте 53-го было 15 лет, а Ефремову на десять лет больше. Но думали они тогда одинаково. Впрочем, они и потом будут двигаться в русле единомыслия, но уже противоположного характера – как антисталинисты. При этом Ефремов будет иметь в кармане билет члена КПСС, а Высоцкий так и останется беспартийным. Но Сталина они будут ненавидеть одинаково, в духе заложенного Хрущевым шестидесятничества. Но не будем забегать вперед.

В 1954 году в ЦДТ пришел новый режиссер – Анатолий Эфрос. И тут же взялся ставить пьесу В. Розова «В добрый час!», которая спустя два года будет экранизирована Виктором Эйсымонтом на Киностудии имени Горького. Как написал в своем отклике на спектакль Н. Погодин²:

«В этой пьесе и в этом спектакле перед зрителем предстает живая, неотразимая современность. Когда смотришь спектакль, то все время радуешься тому, как автор, а вместе с ним и актеры сумели передать эту бездну жизненности, жизненности, схваченной во множестве точных черт, жизненности, дорогой нам, потому что она до конца правдива и, значит, поучительна. Слово это обычно отпугивает нас от книг и пьес, как отпугивало во все времена и эпохи читателей и зрителей. Поучительно – часто значит скучно. Но в пьесе «В добрый час!» нет ни одного резонерского места, и в спектакле нет ни одной скучной минуты. И если пьеса эта поучительна и педагогична, то лишь постольку, поскольку поучительно и педагогично всякое глубокое, умное, сильное художественное произведение...

Большое искусство писать пьесу, между прочим, состоит в том, чтоб зритель не только не чувствовал ее тенденции, но и не замечал самой пьесы с ее ходами, нитями, узлами. Мне думается, что у автора много тенденций, потому что пьеса зовет к большим раздумьям о людских отношениях в семье, в делах дружбы, любви, отношениях поколений и о многом другом, чем поучительна наша жизнь. Но раздумья эти – светлые, от которых радостно жить. А причина этой большой радости от спектакля состоит в том, что автор и театр смело и поэтично выделили из жизни черты нового, составляющего гордость и достоинство советских людей».

В этом спектакле Ефремов исполнил одну из главных ролей – Алексея, который приехал из Сибири к своей московской родне, чтобы поступить в институт. Вот как написал об этой его роли в «Московском комсомольце» 22 января 1955 года Ю. Волгин:

«Артист О. Ефремов вводит своего героя, племянника Авериных Алексея, в первый раз в дом Авериных просто, без излишних восторгов, какие, возможно, были бы и уместны в поведении юноши, добравшегося, наконец, до близкого ему дома после шести суток езды. Скромно, но уверенно, проходит по комнате Алексей – Ефремов, и твердо взвешивает все за и против в первом недоразумении с Анастасией Ефремовной, выражающей сомнение в надобности приезда к ним гостя, сразу находит правильный – не высокомерный и в то же время достаточно «взрослый» – тон в отношениях с Андреем, во многом отставшим от своего нового приятеля в жизненном опыте.

² Литературная газета. 29 января. 1955.

Алексею не доставалось все так легко, как Андрею, жившему под крылышком не в меру заботливой матери. На плечи Алексея после гибели на фронте отца легла значительная часть заботы о семье.

Черты волевого характера юноши, не всегда легко, но твердо и уверенно делающего первые шаги в жизни, нашли образное отражение в игре О. Ефремова. Сдержанная, скромная по внешнему рисунку манера игры артиста как нельзя лучше выражает облик сибирского паренька Алексея...»

В других ролях были заняты: В. Заливин (Андрей Аверин), М. Нейман (Петр Иванович Аверин), Л. Чернышева (Анастасия Ефремовна Аверина; эту же роль она исполнит и в фильме), Г. Печников (Аркадий Аверин), А. Елисеева (Маша, возлюбленная Аркадия), О. Анофриев (Вадим Развалов; эту же роль он исполнит и в фильме), Л. Дуров (Афанасий, друг Алексея).

Кстати, Лев Дуров пришел в ЦДТ в том же 54-м. Вот как об этом вспоминает все тот же Г. Печников:

«Вот поступил в труппу Лев Дуров. Сначала пытался втиснуться в нашу с Олегом пару, потом отошел. А годами позже признался: «Вы с Олегом так дружили, что я из зависти пытался вас поссорить! Но не вышло». Надо отдать должное, поссориться с Олегом было не так просто. Он был необидчив, совершенно немнителен. Ну а мне для него ничего было не жалко, из-за чего же ссориться? Помню, мы с ним по очереди играли рабочего Николая в пьесе «Романтики». Но роль эта так подходила Олегу, что я ему ее совсем отдал. А себе попросил у режиссера бессловесную роль вахтера. Надел фуражку, приклеил усы – все как у дяди Мити из нашего подъезда. В итоге мой маленький выход стал неожиданно срывать аплодисменты. От ревнивого к успеху Олега это не укрылось, и он говорит: «Давай по очереди: то ты вахтера играешь, а я Николая, то наоборот».

Ну да, Олег был тщеславен, конечно, как и любой актер. Помню, уже много лет спустя мы ехали в машине втроем со Смоктуновским. И тот говорил Ефремову: «Ты, Олег, – лучший артист России!» Ефремов насторожился: «А как же ты, Кеша?» Смоктуновский развел руками: «Ну, я... Я – это вообще уже космос!» Вот тогда, помню, Ефремов разозлился, аж желваки заиграли. Так было всегда, когда он приходил в ярость. Помню, когда в Центральном детском театре его вводили в спектакль «Горе от ума» на роль Молчалина. И режиссер, Мария Кнебель, деликатно, немного краснея, говорила ему на репетиции: «Понимаете, Олег... Вот эта сцена с Лизой... Понимаете, вам тут немного... немного не хватает мужского начала». Он покраснел от злости да как жажнет кулаком по столу: «Зато есть конец!» Режиссер сразу смутилась: «Дальше, дальше!»

Вообще, шутки у Олега были смелые, порой – просто мальчишеские выходки. Однажды придумал себе в штаны положить спринцовку с водой. И вот сидим в гостях, чинно, благородно, и вдруг Олег: «Ой, я так хочу в туалет, уже нет сил терпеть!» И прыснул водой. Гости в шоке! В другой раз он пустил в ход свою спринцовку, встретив в туалете одного актера, который вечно с ним ругался. Слово за слово, стали препираться, ну Олег его и обдал струей. Того актера не сразу удалось успокоить и убедить, что это была вода...»

А вот что вспоминает о тех годах другой приятель Ефремова – друг его детства Н. Якушин: «По выходным Олег приходил ко мне – я уже жил отдельно от родителей. У меня он мог расслабиться, отдохнуть от театральных разговоров. Мы играли в шахматы, а то и в карты. Когда не было денег, на кон ставилась какая-нибудь книга. Олег садился играть, считая, что ни в коем случае не проиграет. А когда это все-таки случалось, он страшно огорчался. Один раз в сердцах оставил такую надпись на проигранном томике (это был сборник американских новелл): «Чтоб ты подавился этой книгой!» Ну а когда деньги у нас появлялись, мы с Олегом шли в Сандуны, стоившие аж шесть рублей за посещение. Там были хорошие банщики. Уже тогда Олег следил за собой, как и положено артисту: делал не только маникюр, но и педикюр.

Иногда мы могли зайти и в пивную, выпить по сто граммов. Там встречалась интереснейшая публика, фронтовики, и Олег любил расспрашивать их о жизни. Этот опыт позже помогал ему правдоподобнее играть свои роли...»

Женщины Олега Жена – Лилия Толмачева

В процессе учебы в Школе-студии Ефремов пережил несколько любовных романов. Так, одно время он был увлечен одной из самых красивых студенток студии Ириной Скобцевой, но, когда она предпочла ему Алексея Аджубея (чуть позже она станет женой Федора Бондарчука), Ефремов женился на другой однокурснице – Лилии Толмачевой.

Толмачева родилась 6 июня 1932 года в городке Руднево Нижне-Волжского края (по другим данным – в Саратове). В 1946 году поступила в Школу-студию МХАТа. А уже спустя три года у нее случился роман с Ефремовым, который спустя год привел их к свадьбе. Ефремов тогда уже работал в ЦДТ, а Толмачева, окончив студию, постоянного места работы не имела. Молодые жили с родителями Ефремова в одной комнате, перегородженной шкафом. Виделись они только ночью, а днем у каждого были свои дела. По словам Л. Толмачевой:

«Не хочется говорить об этом подробно, но наше отношение к семье, к дому было абсолютно разным. Я слишком устала от его пьянства. Кто я была? Несмышленная девчонка, приехавшая из Саратова... Конечно, Олег был по-настоящему болен алкоголизмом, и я не могла видеть, как из тонкого, застенчивого (Олег тогда писал стихи) и интеллигентнейшего человека мой муж превращается в нечто совершенно ужасное. Я не понимала, как в нем уживались два таких разных человека. У нас был слишком короткий брак (всего полгода), чтобы Олег успел мне изменить. Хотя Олегу женщины были, как и алкоголь, нужны, чтобы поддерживать себя в творческом накале...»

Кажется, была очередная ссора, и я решила уехать, к тому же мама в Саратове тяжело заболела. Я спросила Олега: «Ты меня любишь?» – «Ну! – ответил Олег и добавил: Я хочу быть с тобой». – «Ты меня любишь, как Ромео Джульетту?» – не унималась я. «Ну и дура ты, – сказал Олег, – и погибнешь оттого, что дура». Кстати, эту фразу он говорил чуть ли не при каждой нашей встрече до конца своей жизни...»

Формально этот брак продлился всего лишь два года – до 1952-го, хотя жили молодые друг с другом всего лишь полгода. А развестись тогда было не просто. Нужно было или обвинить супруга в чем-то серьезном, или долго жить порознь. В итоге Толмачева решила уехать из Москвы в Саратов, к маме, где поступила в тамошний ТЮЗ. В 1955 году она вернулась в Москву и выиграла конкурс на роль в престижном Театре имени Моссовета. Тогда же она развелась и с Ефремовым. По словам Л. Толмачевой: «Когда я решила уйти от него, он сказал: «Учти, я всем буду говорить, что это я тебя бросил». Спустя много лет Олег мне признался: «Зря ты ушла, это самая большая твоя ошибка, должна была терпеть, мы с тобой тогда до сих пор были бы вместе...» Но я ни о чем не жалею: после Олега я встретила человека, с которым тридцать пять лет была по-настоящему счастлива...» (Вторым супругом актрисы стал главный редактор отдела поэзии издательства «Советский писатель» Виктор Фогельсон.)

Самое интересное, но, когда Ефремов в 1956 году возглавит театр «Современник», он пригласит в него и свою бывшую первую жену. Толмачева сыграет в этом театре множество ролей, в их числе скопидомку Леночку и преуспевающую Агнию Шабину в спектаклях по пьесам Розова «В поисках радости» и «Традиционный сбор», Тамару в «Пяти вечерах» и Надю в «Старшей сестре» А. Володина, Женщину, которую любил Он (эту роль, кстати, исполнял Ефремов) в «Четвертом» К. Симонова. Среди лучших ролей актрисы – Елизавета Александровна в «Обыкновенной истории» И. Гончарова и Милда в «Крутом маршруте» Е. Гинзбург.

В кино самой известной ролью Толмачевой станет женщина-прорва Леночка в фильме «Шумный день».

В 1968 году ей присвоили звание заслуженной артистки РСФСР, в 1981-м – народной.

С конца 1970-х Толмачева вплотную занялась режиссурой, как и ряд других ведущих артистов театра. В 1977 году, по поручению Галины Волчек, она поставила спектакль «Фантазии Фарятьева» Аллы Соколовой со Станиславом Сададьским в главной роли, в 1978-м – «Генриха IV» Луиджи Пиранделло, а в 1980 году, по приглашению Олега Ефремова, – «Все кончено» Эдварда Олби во МХАТе с Марией Бабановой (спектакль был записан для телевидения).

Умерла Лилия Толмачева в Москве ночью 25 августа 2013 года после продолжительной болезни. Похоронили актрису на Ваганьковском кладбище.

Женщины Олега Все примы ЦДТ

Столь короткий брак Ефремова и Толмачевой объяснялся несколькими причинами. И одна из них – нашему герою было мало одной женщины, поэтому он позволял себе романы на стороне, в частности в стенах ЦДТ. В начале 50-х там работало больше трех десятков актрис разных возрастов. Среди них: Клавдия Коренева, Антонина Елисеева, Людмила Чернышева, Татьяна Булкина, Татьяна Струкова, Софья Волховская, Валентина Сперантова, Галина Новожилова, Галина Иванова, Галина Степанова, Валерия Меньковская, Ольга Фрид, Надежда Румянцева, Татьяна Гулевич, Анна Некрасова, Нинель Шефер, Маргарита Куприянова, Ольга Пыжова, Нинель Терновская, Валентина Бруснигина, Магдалена Лукашевич, Антонина Дмитриева, Татьяна Надеждина и др.

У Ефремова случились романы (или были попытки таковых) с тремя из этих актрис: с Маргаритой Куприяновой, Антониной Елисеевой и Галиной Новожиловой. Расскажем о каждой из них.

М. Куприянова родилась 24 ноября 1924 года в Москве. В 1948-м окончила Студию при Центральном детском театре (ныне РАМТ), на сцене которого начала играть еще студенткой. Как написано о ней на сайте kino-teatr.ru: «Обладая внешними данными актрисы-травести, на протяжении нескольких десятилетий Куприянова играла роли мальчиков, но параллельно с этим (что большая редкость для актрисы этого амплуа) создала значительные женские образы в пьесах В. С. Розова «В поисках радости» (Лена) и «В добрый час!» (Катя). В. А. Сперантова отмечала уже в ранних работах Куприяновой «огромную и легко возбудимую эмоциональность... внутренний артистизм», продолжая свою мысль: искусству Куприяновой свойственно «редкое сочетание абсолютной психологической правды с острой характерностью». Широкая палитра помогала Куприяновой в создании образов мальчишек, где лирика и гротесковая заостренность не противоречили друг другу, а причудливо соединялись в характере подростка, осознающего жизнь. Незаурядные пластические данные актрисы позволили ей, в отличие от многих травести, перейти со временем на роли не возрастные, а женские, лирико-драматические».

С Ефремовым Куприянова играла в нескольких спектаклях: «Ее друзья» (1949; Светлана), «Настоящий друг» (1950; Рита Вольская), «Два капитана» (1951; Катя), «Конек-Горбунок» (1952; Царь-девица), «Волынец из Стракониц» (1952; Зулика), «Страница жизни» (1953; Наташа), «В добрый час!» (1954; Катя). Причем в некоторых из этих постановок Ефремов и Куприянова играли любовь – как, например, в «Двух капитанах», где он был Саней Григорьевым, а она Катей Татариновой. А в 1955 году Ефремов впервые дебютировал на сцене как режиссер, поставив спектакль «Димка-невидимка» по В. Коростылеву и М. Львовскому, где роль Димки исполнила Куприянова. Как напишут потом критики:

«В роли Димки сыграла актриса-травести Маргарита Куприянова. Именно мальчики стали наиболее запоминающимися ее ролями. Притом что, в отличие, например, от Сперантовой, которая была в них настолько органична, что не всегда можно было и разобраться, кто именно играет, мальчик или девочка, женственность Куприяновой всегда была очевидной. Но в каждой роли она была настолько внутренне искренна и правдива, что созданию мальчишеских персонажей это совершенно не вредило и, можно сказать, не имело решающего значения».

Не одно поколение детей выросло на «Димке-невидимке». Ее лучшие образы – открытые, непосредственные, щедрые натуры, мечтатели. Вот маленький фантазер Димка (четвероклассник, которого решили разыграть, убедив, что он может стать невидимым) был ролью, от

которой Куприянова собиралась отказываться, а в результате стал всеобщим любимцем – в первую очередь ее собственным. В этом спектакле, режиссерском дебюте Олега Ефремова, она чувствовала себя очень свободно, могла делать что хочет...

Художественный руководитель РАМТа Алексей Бородин вспоминает, что «первый спектакль ЦДТ – «Димку-невидимку» молодого режиссера Ефремова увидел по телевизору и сразу побежал в театр». Эта была такая яркая трактовка пьесы, что она надолго стала эмблемой театра и несколько десятилетий шла с непременным аншлагом.

Армен Медведев, восхищаясь Ефремовым, описал действие «Димки-невидимки»: «Помню и первый режиссерский спектакль Олега Ефремова в ЦДТ – «Димка-невидимка». В нем волшебство театра представало во всю мощь. Превращения на сцене происходили самым необычным образом. Когда составленные столы, стулья и швабра, воткнутая на вершину этой мебельной пирамиды, вдруг, иначе освещенные, превращались в корабль, это завораживало. И Геннадий Печников, и Олег Анофриев, и Рита Куприянова играли озорно, фарсово. Странно и удивительно, почему Ефремов больше никогда не возвращался к этому жанру игры. Как режиссер он оказался в этом жанре не менее могучим, чем впоследствии как актер в фильме Ролана Быкова «Айболит-66». Это была его стихия – перевоплощение...»

Говорят, что Куприянова была так сильно влюблена в Ефремова, что мечтала выйти за него замуж. Но он этого не хотел, предпочитая жить с ней без штампа в паспорте. К тому же это положение не связывало ему руки и позволяло «крутить любовь» с другими актрисами ЦДТ.

Куприянова была широко известна в СССР, но не благодаря своему лицу (в кино она не снималась), а из-за голоса – она озвучивала радиоспектакли и мультфильмы. Самые известные ее роли: Маугли (р/сп, 1955) и Чиполлино (м/ф, 1961).

В 1962 году она стала заслуженной артисткой РСФСР, в 1992-м – народной.

Ушла из жизни М. Куприянова в феврале 2005 года, пережив Ефремова почти на пять лет.

Еще одна пассия нашего героя из ЦДТ – Антонина Елисеева. С ней он пересекался в спектаклях: «Настоящий друг» (1950; Таня Карташева), «Недоросль» (1950; госпожа Простакова), «Город мастеров» (1950; Вероника), «Романтики» (1950; Нина Еремина, сверловщица), «Вольтер из Стракониц» (1952; Лесана), «Гельголанд зовет!» (1953; Герда), «В добрый час!» (1954; Маша Полякова), «Оливер Твист» (1956; Нэнси).

Елисеева была старше Ефремова на десять лет (пришла в ЦДТ в 1939 году) и была замужем за известным актером Алексеем Консовским, прославившимся ролью Принца в фильме «Золушка». Но Ефремова эти обстоятельства несколько не смущали – он любил преодолевать препятствия, они его только подхлестывали.

Наконец, после Елисеевой Ефремова увлекла актриса Галина Новожилова, которая тоже была старше его, но всего лишь на пять лет. Она училась в Театральном училище имени Б. Щукина, затем перевелась в МГТУ. В 1945 году пришла в Центральный детский театр. С Ефремовым она играла в спектаклях: «Ее друзья» (1949; Светлана Бутова), «Драгоценное зерно» (1950; Маша Ракитина), «Вольтер из Стракониц» (1952; Доротка), «В добрый час!» (1954; Галя).

Однако в этом случае Ефремова постигла неудача – Новожилова ему отказала во взаимности, поскольку увлеклась... его другом и партнером по сцене Геннадием Печниковым. Но тот к тому времени был уже несвободен. Видимо, в отместку за это Ефремов чуть позже решит... соблазнить жену самого Печникова. Вот как тот вспоминает об этом: «Что касается того, что Олегу не отказала ни одна женщина... Как минимум одна – точно отказала, и я эту женщину

знаю. Она моя жена. Я ведь, как и Олег, создал семью после 30 лет³, и мы с Валерией прожили всю жизнь вместе. Конечно, она знала Олега, он ведь бывал у нас в гостях. Но однажды Ефремов пришел к нам, зная, что меня дома нет. Немного удивившись, жена пригласила его пообедать. Какое-то время Олег сидел спокойно, а потом вдруг «пошел в атаку», попытавшись натиском покорить ее. Он всегда так делал... Но Валерия неожиданно оказала сопротивление и со словами «Олег, да ты что, с ума сошел!» решительно его оттолкнула. Когда она рассказала мне об этом, я спросил: «А почему ты ему отказала-то?» До того я уже привык, что в Олега все влюбляются и никто ему не отказывает. Но тут уж удивилась моя жена. Говорит: «А что в нем такого особенного-то, чтобы замужняя женщина перед ним не устояла? Долговязый, некрасивый». Так что были все же женщины, которым Ефремов не нравился. Хотя большинство по одному его слову, вопреки здравому смыслу, готовы были идти за ним на край света... Я не стал ничего говорить Олегу. Не вызвал на разговор, не сказал: «Ты теперь мне не друг». Я его простил. Просто потому, что слишком хорошо его знал. Тем более что и раньше у нас с ним были ситуации, когда нравилась одна женщина...»

³ Актер родился 8 сентября 1926 года

Олег Перед «Современником»

В последние два года своего пребывания в ЦДТ Ефремов сыграл четыре новые роли: Саню Григорьева в «Двух капитанах» В. Каверина (1955), Кочергина в «Дочке» В. Каверина (1956), Монкса в «Оливере Твисте» Ч. Диккенса (1956) и Самозванца в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина. Последний спектакль поставил Анатолий Эфрос, и о нем много писала тогдашняя пресса. Например, в «Московском комсомольце» К. Щербаков поделился следующими впечатлениями от игры Ефремова: «...Не может полностью удовлетворить и исполнение роли Дмитрия Самозванца О. Ефремовым. Некоторые сцены, такие как «Келья в Чудовом монастыре» и «Корчма на литовской границе», сыграны темпераментно, на самом высоком уровне. Но интересно, четко намеченный образ в дальнейшем мельчает, расплывается. В спектакле исчезли или прозвучали очень приглушенно такие характерные для Самозванца черты, как удаль, отвага, беспечность, та пылкость и неуравновешенность, которые в сочетании с трезвым расчетом создавали характер самобытный, неповторимый. Вместо этого появился совершенно чуждый пушкинскому образу элемент комизма, в конце сцены у фонтана до такой степени переносится Ефремовым в бытовой план, что становится просто досадно...»

Вообще этот спектакль появился на свет не случайно. В последний раз в московских театрах ставили пушкинского «Бориса Годунова» в 1937 году, когда в СССР отмечали 100-летие со дня гибели А. С. Пушкина. После чего на это произведение был наложен негласный запрет. Но в марте 1953 года из жизни ушел И. Сталин и начался процесс переосмысления времени его правления. Причем переосмысление это было по большей мере критическое, а задал этот дискурс в феврале 1956 года XX съезд КПСС, на котором Н. Хрущев выступил с докладом «О культуре личности И. Сталина». С этого момента на покойного «вождя народов» стали вешать всех собак, тем самым расколов общество и все мировое коммунистическое движение в целом. Зачем это было сделано? Во-первых, Хрущеву для укрепления своей власти было нужно дискредитировать верных соратников Сталина и убрать их со своего пути, во-вторых, того требовал Запад, с определенной частью элиты которого Хрущев собирался «мирно сосуществовать» (об этом было заявлено на том же XX съезде). Ведь можно было при желании разоблачить некие деяния времен правления Сталина без большого шума, не вынося этого на суд широкой общественности. При таком раскладе общество не оказалось бы расколотым, из-за чего удалось бы избежать многих потрясений. Но раскол, судя по всему, был нужен новой власти, которая решила пойти по римскому пути «разделяй и властвуй». Власть (центр) пыталась лавировать между «правыми» (консерваторы) и «левыми» (либералы), надеясь сохранить баланс и не свалиться в пропасть. А в качестве сакральной жертвы был выбран Сталин, которого намеренно измазали грязью, начисто забыв, что пресловутую «оттепель» замыслил именно он еще в 1952 году. Для чего на XIX съезде КПСС был существенно обновлен высший партийный ареопаг – Президиум ЦК (он был расширен с 12 человек до 25), что ясно указывало на то, что Сталин собирается делать ставку на молодых выдвиженцев. Одновременно готовились реформы в области идеологии и экономики, которые должны были расширить демократические рамки советской системы.

Однако в марте 53-го Сталин внезапно скончался (скажем прямо, при подозрительных обстоятельствах, наталкивающих на мысль об его убийстве), после чего «старая гвардия» тут же «задвинула» молодую (сталинские выдвиженцы были раскиданы по стране, отосланные подальше от Москвы), а демократические процессы, задуманные Сталиным, стали ассоциироваться исключительно с именем Хрущева. В итоге тот очень скоро вошел во вкус и спустя три года после смерти вождя всех народов повел атаку на тех партийных деятелей, кто

мог помешать ему стать единоличным правителем страны. Так на свет появился упомянутый выше доклад «О культуре личности И. Сталина», и началась широкая кампания по реабилитации людей, осужденных в годы правления «вождя народов». Последние должны были стать социальной опорой Хрущева в его наполеоновских планах по переустройству страны. Вот почему многих пострадавших (как реально, так и мнимо) в годы правления Сталина стали тянуть вверх, предоставляя им командные посты в разных сферах общественной жизни. Например, среди творческой интеллигенции таких людей были сотни. Назову лишь некоторых – тех, кто стал пострадавшим через своих родителей и достаточно высоко поднялся в одной только Москве или Ленинграде (их отцы, занимавшие при Сталине высокие партийные посты, были репрессированы): Булат Окуджава, Лев Кулиджанов, Марлен Хуциев, Георгий Товстоногов, Марк Захаров и др. А ведь были еще и такие деятели, кто пострадал лично, а также те, у кого в числе репрессированных значились братья, сестры или, например, родня со стороны жены. И всех этих людей тянули вверх, множа ряды антисталинистов во властных структурах – в политике, экономике, идеологии. Чуть позже эти люди составят тот самый легион, который поможет М. Горбачеву развалить СССР. Кстати, сам будущий генсек (как и его супруга) тоже из «этих». Читаем в Википедии: «Дед М. Горбачева по матери, Пантелей Ефимович Гопкало (1894–1953), происходил из крестьян Черниговской губернии, был старшим из пяти детей, в 13 лет потерял отца, позднее переселился в Ставрополье. Стал председателем колхоза, в 1937 году был арестован по обвинению в троцкизме. Находясь под следствием, провел в тюрьме 14 месяцев, вынес пытки и издевательства. От расстрела Пантелея Ефимовича спасло изменение «линии партии», февральский пленум 1938 года, посвященный «борьбе с перегибами». В итоге в сентябре 1938 года начальник ГПУ Красногвардейского района застрелился, а Пантелей Ефимович был оправдан и освобожден. Уже после отставки и крушения СССР Михаил Горбачев заявлял, что рассказы деда послужили одним из факторов, склонивших его к неприятию советского режима...»

А вот что написано про родню Раисы Максимовны Горбачевой: «Дед по отцу Андрей Филиппович Титаренко переехал из села в Чернигов, был беспартийным, четыре года провел в тюрьме, работал железнодорожником... Дед по материнской линии Петр Степанович Парада (1890–1937) был богатым крестьянином, расстрелян как троцкист, так как выступал против коллективизации и стахановского движения, посмертно реабилитирован в 1988 году...»

Но вернемся к Олегу Ефремову.

Он проходил по другой категории. Его отец, как мы помним, не был пострадавшим от сталинской власти, но зато служил в системе ГУЛАГа. Здесь могла проследиваться иная связь – по линии спецслужб, которые имели обширную сеть агентуры (как штатной, так и агентуры влияния) в разных слоях общества и были заинтересованы в том, чтобы эта агентура (или ее родственники) продолжала свою работу и в новых реалиях постсталинского времени. Поэтому к детям энкавэдэшников или гулаговцев, даже несмотря на громкое «дело Берии», в хрущевские годы относились более чем хорошо. Взять того же Олега Ефремова или кого-то другого: например, Элема Климова (его отец работал в прокуратуре и занимался делами репрессированных), Марка Розовского (еще один отпрыск человека, работавшего в системе ГУЛАГа), Леонида Броневого (его отец работал в НКВД, потом был репрессирован) и т. д. Все эти люди начали свое восхождение в профессии в конце 50-х – начале 60-х и занимали антисталинские позиции. И еще – многие из них были евреями, имевшими к Сталину особые счета. Безусловно, что одним из главных мотивов их продвижения вверх был природный талант. Но последний без поддержки извне очень часто не имеет возможности раскрыться. А вот если его поддерживают заинтересованные силы, тогда путь вверх становится гораздо легче. Не случайно в те годы и термин такой родился – «дети XX съезда». Это те самые дети (как в прямом смысле, так и в фигуральном), которые сделали себе карьеру на антисталинской почве. И Олег Ефремов был именно таким «дитем».

Но вернемся к спектаклю ЦДТ «Борис Годунов» в постановке Анатолия Эфроса. Это был спектакль с антисталинским подтекстом. Впрямую говорить об этом тогда было еще нельзя (это произойдет чуть позже), поэтому в рецензиях вещи назывались не впрямую. Например, так: «В спектакле осмысливались вечные вопросы человека и власти. Ответственности за принятые решения не только перед собой и своими близкими, но и перед народом и государством. Ответственность за пролитую кровь, смерти сотен людей. Цена, оплаченная за жажду власти, корыстолюбие и жестокость...»

Роль Самозванца в «Борисе Годунове» оказалась последней ролью Ефремова в ЦДТ. Еще в период репетиций наш герой задумал создать свой собственный театр, где он был бы полновластным хозяином, как в творческом плане (как главный режиссер), так и в личном (как тот петух в курятнике). Всего лишь несколько лет назад о таком развитии событий можно было только мечтать. Но тогда, в 56-м, сразу после XX съезда КПСС, таким людям, как Олег Ефремов, судьба явно благоволила. Причем по разным причинам – как явным, так и тайным, о чем речь уже шла чуть выше. Хотя за плечами Ефремова была всего лишь одна режиссерская работа – «Димка-невидимка». Плюс к тому же он преподавал в Школе-студии МХАТа. Именно там, собственно, он и решил набрать костяк своего будущего театра, который назвали «Современником». Хотя началось все (в теории) чуть раньше – с поездки Ефремова на Волгу в 1952 году. Во всяком случае, так об этом думает Геннадий Печников, который составил герою нашего рассказа компанию в той поездке. Вот как он сам вспоминает об этом:

«У меня родилась неожиданная идея – поехать вместе в путешествие по Волге. В 1951 году я прочитал рассказы Горького и сразу подумал, что он так правдиво пишет, потому что видел все сам. А мы? Что мы видели, московские мальчишки? Ведь, как ни крути, и у Олега, и у меня – дом, мама-папа, обеды-ужины. И я сказал Ефремову: «Нам надо набираться жизненного опыта!» Он загорелся: «Конечно!» И был очень огорчен, когда я попросил отложить поездку из-за съемок в фильме. Взял с меня обещание: «Ну только чтоб в следующем году – точно!» И вот весной 1952 года мы оформились в Туристическом клубе и составили маршрут на 42 дня вниз по Волге... Раздобыли одну палатку на двоих, один рюкзак, даже приличная шляпа была одна – для переговоров с председателями колхозов. Мы рассуждали так: денег у нас нет, значит, их нужно зарабатывать в дороге! Поэтому взяли с собой реквизит для представлений. Перед выездом договорились: в дороге не ныть, не ссориться! Все делать сообща. Олег уточнял: «А если я, например, выпить захочу?» Говорю: «Я против!» И, надо отдать ему должное, он выполнил это условие.

Лишь только тронулись из Москвы на поезде до Ярославля – произошло ЧП, у нас украли сумку с продуктами. Как Олег бесился! Стучал кулаком по столу: «Ну, раз у нас украли, и мы будем воровать!» Но это, конечно, он так, сгоряча. В общем, в Ярославль мы приехали голодными. Пошли в местный театр, попросили у главного режиссера рекомендацию, чтобы в области нас принимали как серьезных артистов. Ну а дальше – городки, деревеньки, маленькие совхозы... Иногда ночевали у местных жителей, иногда просто ставили палатку посреди поля... Приходишь к председателю колхоза – в той самой шляпе, говоришь: «Мы туристы, но мы и артисты! Можем дать у вас спектакль». Собираются колхозники. Мы им читали стихи Маяковского, Твардовского. Особым успехом у крестьян пользовалась басня Сергея Михалкова «Как старик корову продавал». Еще разыгрывали маленькие рассказы Чехова. Несмотря на то что выступали перед простой публикой, готовились серьезно.

Но, даже несмотря на эти заработки, денег было в обрез. Поэтому один раз, видя, что на пароходе никто не проверяет билеты, мы их не стали покупать. А потом выяснилось, что контролер стоит на выходе. Что делать? Тут пошел страшный ливень. И Олег разыграл целое представление: картинно упал в лужу, я – на него... Еще кого-то задела, началась свалка... И контролер сказал: «Да проходите уже, ребята! Устроили тут столпотворение!» Несмотря на все трудности, мы с Олегом были по-настоящему счастливы в эти дни. И ничего не боялись. Хотя

ведь могли сойти за шпионов. В одном селении бдительные колхозники даже доставили нас к председателю, чтобы проверить наши личности. Тогда ведь, начитавшись газет, все граждане «ловили шпионов». Вот на такой-то случай и пригодились маршрутные книжки из Туристического клуба. Без преувеличения можно сказать, что в Москву мы вернулись повзрослевшими.

Позже Олег говорил мне: «Если бы не та наша поездка, «Современника» бы не было. Он родился там, из нашего «передвижного театра». Но еще до «Современника» Олег попробовал себя в качестве режиссера в нашем Центральном детском. Поставил пьесу «Димка-невидимка» – блистательный водевиль с куплетами, танцами, шутками. Олег на репетициях воодушевленно творил. Ему кто-то говорит: «Я танцевать не умею». А он: «Танцуй, как умеешь!» Я ему жалуясь: «Не могу я петь, слуха нет...» – «Можешь! Не слышишь музыку? Хрен с ней! Давай!»

Практически сразу Олега, вчерашнего студента, позвали преподавать в Школу-студию МХАТа, где он сразу нашел общий язык со студентами. Его советы студентам были четкими, ясными, конкретными. Не случайно именно среди некоторых своих учеников он нашел актеров для «Современника» – Ефремов ко всем присматривался уже тогда. Повсюду видел и «вербовал» единомышленников. Например, рассказывали, что Лилю Толмачеву – свою первую жену – он переманил в «Современник» из Театра имени Моссовета, где та репетировала Нину в «Маскараде». Он ее встретил на улице и заявил: «Твоя Нинка никому не нужна! Это прошлый век! Давай сейчас же к нам. Во всяком случае, попробуешь». – «Так когда же мне попробовать? Я целый день в театре». – «Балда, да мы сами все где-то работаем и днем заняты. У нас репетиции в полночь только начинаются!» Это было еще до того, как «Современник» получил имя и дом, – актеры действительно вели двойную жизнь. И ночью приходили репетировать к Ефремову.

А когда «Современник» был собран, Олег ушел из Детского театра. Он и меня приглашал с собой. Но я ответил «нет», и Олег кивнул: «Понимаю». Он видел, что я нашел себя в Детском театре, а репертуар «Современника» был мне не близок. Как друг Ефремов понял меня, и больше к этой теме мы не возвращались. И главное – наша дружба не прервалась. Это же редко бывает, что такой человек, как Олег – прирожденный лидер, находит в себе силы думать не только о том, что ему нужно от друзей, но и о том, что нужно самим друзьям...»

Олег «Современник» – начало

Итак, еще будучи актером ЦДТ, Ефремов становится руководителем театра-студии (нормальным театром он станет в 1964 году) под названием «Современник». Это был первый в послевоенной истории страны театр, рожденный свободным творческим объединением группы единомышленников и сумевший отстоять себя как целостный художественный коллектив. Возник он не случайно, а на волне той самой «оттепели», которую задумал еще Сталин. Правда, проживи он еще пяток-другой лет, вряд ли эта «оттепель» приобрела бы столь либеральные очертания и заложила бы основы к будущему разрушению СССР. Думается, и «Современник» вряд ли бы стал тем театром, каким его сделал Ефремов, опираясь на антисталинизм того времени. Именно это время и родило на свет тот спектакль, с которым дебютировал «Современник», – «Вечно живые» Виктора Розова. Но расскажем обо всем по порядку.

Как мы помним, Ефремов с 1949 года был преподавателем в Школе-студии МХАТа. Сам Художественный театр в те годы уже переживал кризис идей. Как итог: в начале 50-х билеты во МХАТ уже продавали в нагрузку к оперетте или цирку. Как писала критик И. Соловьева о молодых актерах МХАТа, пополнивших труппу в конце 40-х:

«Набиравшие сценический опыт во «Второй любви» Елизара Мальцева, в «Чужой тени» К. Симонова, в «Заговоре обреченных» Н. Вирты, в «Зеленой улице» А. Сурова, в «Залпе Авроры» М. Чиатурели и М. Большинцова, молодые актеры приучались к органичности без заботы о правдивости. Органичность без правдивости, органичность в лжи – поругание души МХТ, извращение его наследственной техники. Для тех, кто втянулся, возврата в общем-то нет...»

Репертуар строился так, что каждый спектакль не замечал соседства, тем более не рассчитывал на него, на какую-то переключку нравственных и художественных мотивов, на какое-то развитие мыслей, взглядов на жизнь или искусство. К постановкам нередко привлекались непрофессиональные режиссеры – ведущие актеры театра. МХАТ терял зрителя, тем не менее, превращенный еще в конце 1930-х годов в эталон и образец для подражания, он по-прежнему оставался вне критики, что усугубляло ситуацию...»

XIX съезд КПСС (октябрь 1952 года) как раз намечал контуры будущей перестройки советской идеологии (в том числе и в области театра: например, были сняты табу с сатирических пьес М. Салтыкова-Щедрина, В. Маяковского и др.). Но Сталин умер, и эта перестройка приняла несколько иные формы, чем планировалось при живом «вожде народов». Началось постепенное освоение тем, которые ранее считались запретными. Эти темы особенно манили молодежь, а она всегда настроена революционно. Именно на такую молодежь и решил опираться Ефремов, который и сам ходил в молодых (в 1955 году ему исполнилось 28 лет). У Ефремова и его единомышленников возникает идея о собственном театре-студии, который бы «реанимировал» устаревший МХАТ. Среди этих единомышленников были: Галина Волчек (некоторые утверждали, что она в ту пору была возлюбленной Ефремова) и Игорь Кваша (оба они в 1955 году окончили Школу-студию МХАТа, курс А. Карева и Е. Морес), Лилия Толмачева (бывшая супруга Ефремова, которая тогда работала в Театре имени Моссовета), Виктор Сергачев (в 55-м он учился на четвертом курсе Школы-студии МХАТа, курс П. Массальского), Евгений Евстигнеев (однокурсник Сергачева) и Олег Табаков (самый молодой из «шестерки» – ему было 20 лет, он учился на третьем курсе Школы-студии, курс В. Топоркова).

Была выбрана соответствующая пьеса – «Вечно живые» В. Розова. По тем временам – пьеса-бомба. Почему? В ней впервые в советской драматургии главным героем была девушка (Вероника), которая, проводив любимого человека на фронт, не смогла его дождаться – полу-

чив известие, что он пропал без вести, она очень быстро выходит замуж за его двоюродного брата, который оказывается подлецом. Отметим, что пьеса была написана в разгар войны – в 1943 году в Костроме, но тогда так и не вышла на подмостки, запрещенная цензурой. По словам В. Розова: «Я отнес пьесу в ЛИТ, где получил милый отказ. Старичок – работник ЛИТа – сказал: «Читал, товарищ Розов, вашу пьесу, плакал, но запрещаем». Я ушел довольный, так как старичок плакал».

Самое интересное, но в начале 50-х пьеса все-таки была поставлена – в Костромском театре. А потом она попала в руки Ефремова, который, как мы помним, был знаком с Розовым еще по его спектаклям, шедшим на сцене ЦДТ («Ее друзья», «Страницы жизни»). Именно «Вечно живых» Ефремов и решил поставить в 1955 году, положив его в основу своего будущего театра. Причем Розов специально несколько переработал пьесу, сняв мелодраматические акценты, оказавшиеся неуместными в постановке Ефремова. Вот как выглядел сюжет этой легендарной пьесы.

Ее действие начиналось в Москве 3 июля 1941 года, когда по радио передают сообщение Совинформбюро: «Наши войска ведут упорные бои»... Борис Бороздин, несмотря на бронь, уходит добровольцем на фронт, заявив: «Если я честный, я должен». Причем уходит он накануне 18-летия своей невесты Вероники Богдановой, которую он зовет Белкой. Борис оставляет ей в подарок игрушку – белку с орешками, под которыми спрятана записка; но Вероника, сохраняя даже орешки как память о Борисе, записку не находит.

Вскоре Борис на фронте пропадает без вести, а Вероника, потеряв родителей и кров, с отчаяния выходит замуж за двоюродного брата своего возлюбленного – Марка, но этот брак не становится для нее утешением. В то время как одни сражаются на фронте или круглосуточно оперируют раненых, как отец Бориса – доктор Бороздин и его дочь – Ирина, другие умудряются наживать на общей беде. В доме Монастырской собирается «избранное общество» – люди, прекрасно приспособившиеся к войне. В этом доме бывает и Марк, влюбленный в Монастырскую: посредственный пианист, он всеми правдами и неправдами откупается бронью от призыва в армию. Он дарит Монастырской игрушку Вероники, и таким образом находится записка Бориса, которая побуждает Веронику решительно порвать с Марком.

К Анне Михайловне Ковалевой, в доме которой в эвакуации живут Бороздины, приезжает в отпуск по ранению сын Владимир; не догадываясь о том, кто его соседи, он рассказывает о своем однополчанине Борисе, который свою любимую девушку называл Белкой, – от него Бороздины узнают, что Борис погиб на фронте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.